

В.С. Манассеин

ИЗ ИСТОРИИ СИБИРСКОЙ ТОРГОВОЙ БУРЖУАЗИИ (В.Н. БАСНИН)

Среди всевозможных архивных материалов сохранилось, в виде редкого исключения небольшая часть специально купеческих архивов. Разработка подобного рода материалов представляет значительный научный интерес как с социально-бытовой, так и с культурно-исторической точек зрения. Ознакомление с ними дает возможность проникнуть в купеческий быт и семейный уклад, выяснить взгляды и интересы торговой буржуазии.

«Дневник» Баснина, как он сам называл свои изо дня в день писавшиеся им письма и на которых, главным образом, и основана настоящая работа, являются в этом отношении единственными и потому заслуживающими большого внимания.

Всякого рода «промышленные и торговые люди», из которых создалась сибирская буржуазия, проникали в Сибирь вслед за ее завоевателями казаками, а иногда даже и опережали их в погоне за наживой. Они вступили в непосредственные торговые сношения с туземным населением, установили торговую связь Сибири с европейской Россией, из них образовалось первоначальное население посадов около острогов. Исторические документы ярко рисуют хищнический характер этой деятельности. Туземное население Сибири, так называемые, «инородцы», представляли собою выгодный объект для самого беззастенчивого обирания, на почве чего у буржуазии создалась, между прочим, даже конкуренция с местной администрацией. В культурном отношении значительная часть сибирской буржуазии стояла довольно низко, например, даже в начале XIX ст[олетия] некоторые из наиболее богатых иркутских купцов были малограмотны, но в то же время под влиянием проникавших в среду сибирской буржуазии европейских влияний, среди нее образуется заметный культурный слой.

В настоящем очерке даны краткие сведения, на основании преимущественно архивных данных¹, об одной из старинных иркутских купеческих фамилий, — Басниных, и, главным образом, об одном из ее представителей — Василии Николаевиче Баснине, дом которого в первой половине XIX в. в Иркутске был широко известен.

Библиотека Баснина, даже и в свое время, была в Иркутске далеко не единственной, но она выделялась из ряда других своей величиной и подбором книг. Кроме того — от всех прочих частных иркутских библиотек к настоящему времени остались лишь разрозненные, случайно встречающиеся, книги с фамилиями их бывших владельцев. Библиотека же Баснина является единственной сохранившейся до наших дней почти полностью и представляет собою прекрасный образчик старых сибирских купеческих библиотек.

Кроме библиотеки после Баснина остались еще и другие собрания (*далее зачеркнуто*: характеризующие его интересы и запросы). В Московском Древлехранилище Центрархива¹ хранятся т.н. «Баснинские портфели» с его рукописными материалами по истории и статистике Восточной Сибири. В музее изобразительных искусств в Москве имеется весьма ценное собрание гравюр, составленное В.Н. Басниным во время его жизни еще в Иркутске, а затем продолженное одним из его сыновей, известным московским коллекционером Н.В. Басниным. В Иркутске в доме Баснина, кроме того было еще значительное собрание масляных картин.

Баснин был также и любителем садоводства. Им были устроены в Иркутске во дворе его дома на Баснинской улице (ныне ул. Свердлова) исключительные по своему разнообразию оранжереи, которые были известные не только коллекциями редчайших роз, камелий и др[угих] цветов, но в которых вызревали на удивление иркутян — виноград, ананасы, персики, абрикосы и прочие фрукты.

Нам удалось разыскать в Москве у одной из его внучек С.Н. Басниной, архив, заключающий в себе переписку В.Н. Бас-

¹ В нашем распоряжении имеется довольно значительный материал для исторической хроники фамилии Басниных, здесь мы даем лишь эскизный очерк этой хроники (здесь и далее примечания автора. — А. Г.).

нина, которую он вел в течение всей своей жизни, являющуюся в то же время и его дневником за период почти в 50 лет. По поводу этих писем сам Баснин в одном из них замечает — «Письма наши к вам есть вместе и дневник жизни нашей...». Любопытно, что Баснин требовал, чтобы по прочтении все его письма «с верной оказией» возвращались ему обратно, после чего он их переплетал в небольшие томики, благодаря чему и сохранилась почти вся его переписка, а вместе с тем образовался и его архив. Переписка Баснина представляет собою богатый материал для истории русской буржуазии XIX в. и заслуживает специального изучения. Но помимо указанного значения переписка эта дает ряд материалов и другого рода. Так например, в 1828 г. В.Н. Баснин совершил путешествие в Петербург. Его письма оттуда в Иркутск представляют собою не лишнее интереса описание Петербурга 20-х годов прошлого столетия².

В Иркутских письмах Баснина (30–50 гг.), а также отчасти и в позднейших, относящихся уже к московскому периоду его жизни, мы встречаем ряд сведений, касающихся декабристов, живших в Иркутске, с многими из которых Баснин был в дружеских отношениях. Так будучи еще молодым человеком, Баснин находился в самых приятельских отношениях с А.Н. Муравьевымⁱⁱ. Близок он был с Волконским и Трубецким, дружил с Юшневским, Раевским и некоторыми другими иркутскими декабристами. Уже в старости, живя в Москве, Баснин близко сошелся с Д.И. Завалишиным. С некоторыми из декабристов у Баснина были и деловые связи. Арт. Зах. Муравьев составлял каталог его гравюрного собрания. Братья Борисовы переплетали ему книги. П.И. Борисов кроме того рисовал для Баснина сибирские цветы и птиц. У наследников Баснина хранятся как реликвии два альбома с удивительными акварелями Борисова. Бестужев писал портрет сына Баснина и т.д. Из писем Баснина мы узнаем о его связях также с некоторыми другими известными людьми его эпохи. В хороших отношениях, например, он был с Н.А. Полевымⁱⁱⁱ. Очень близко судьба свела Баснина с М.С. Щепкиным^{iv}. В письмах Баснина рассказывается, между прочим, история несо-

² Письма В.Н. Баснина из Петербурга были подготовлены П.М. Головачевым в свое время к печати под заглавием «Петербургские впечатления молодого сибиряка в 1828 г.», но вследствие смерти Головачева остались неопубликованными.

стоявшейся поездки 70-летнего Щепкина на гастроли в Иркутск и Кяхту. Главная масса Баснинских писем относится к московскому периоду его жизни (1858–1876 гг.).

Помимо увлечения книгами, гравюрами, картинами, а также и садоводством, Баснин был еще и страстным любителем музыки и театра (*далее зачеркнуто*: Будучи уже 70-летним стариком, он с трудом натягивал сапоги на отекавшие ноги, только чтобы не пропустить новую оперу или концерт какой-нибудь знаменитости). Театру в письмах Баснина уделено места, вероятно, больше всего, вследствие чего эти письма имеют известное значение и для истории театра в России.

Библиотека Баснина, его коллекции гравюр, картин, рукописей, а также и его удивительные оранжереи, являются крупным, далеко выходящим из ряда обычной жизни культурным фактом в истории Иркутска. Из всех собраний Баснина в Иркутске осталась лишь только его библиотека. Она до сего времени не утратила своего значения и по сейчас все иркутские исследователи и краеведы черпают из нее необходимый для них материал при изучении Восточной Сибири за XVIII и первую половину XIX столетия.

Глава I

Иркутск издавна был центральным складочным и перевалочным пунктом для всей Восточной Сибири. С севера и востока сюда свозились всевозможные дорогие меха, юго-восток доставлял чай и шелка Китая. Все это шло через Иркутск в Европейскую Россию. Из Иркутска же по всем направлениям: на север — в Якутск; на северо-восток — в Охотск, Камчатку; на восток — во владения Российско-Американской колонии; на юго-восток в Кяхту и другие пункты отправлялись различные фабрично-заводские произведения, как русские, так и заграничные, мануфактурные товары, металлические изделия, вина и проч. Преобладающую роль играл Иркутск также и в торговле с Китаем (*далее зачеркнуто*: Благодаря этому выгодному географическому положению Иркутск приобрел исключительное экономическое значение). По выражению одного старинного историка российской коммерции, Иркутску «по всякой справедливости принадлежит первенство в купечестве между всеми сибирскими городами». Помимо учас-

тия в торговле, иркутские купцы занимались также всякого рода подрядами, поставками, откупами, перекупкой хлеба, съестных припасов и пров[изии]. В связи с таким развитием торговли здесь образовалась сильная, крупная буржуазия, пользовавшаяся большим влиянием на положение всех дел в крае и находившаяся, между прочим (*далее зачеркнуто*: что представляет собою очень любопытное явление), в оппозиции к местной администрации. Подобные купеческие группировки были и в других сибирских городах — Тобольске, Томске, Енисейске, но ярче всего основные черты сибирской общественности проявились именно в Иркутске. Богатые и сильные иркутские купцы — Сибиряковы, Мыльниковы и другие составляли нечто вроде денежно-капиталистической олигархии, и в Иркутской думе заправляли всеми делами. Своекорыстные классовые вождения иркутской буржуазии создавали ожесточенные столкновения ее с местной администрацией. Одной из главнейших причин, вызывавших подобные столкновения, была торговля с туземными народностями, которую стремились захватить в свои руки как та, так и другая сторона (*далее зачеркнуто*: Сперанский, будучи Сибирским генерал-губернатором, по этому поводу писал в одном из своих докладов в Петербург следующее: «Полиция представляла, что торговцы и промышленники обманывают инородцев, пользуясь их незнанием цен при покупке или обмене вещей... и что при свободе торговли нельзя усмотреть, соблюдается ли определенное в законе запрещение ввозить инородцам горячие напитки...» Торговцы же и промышленники против приведенных соображений администрации, по словам доклада Сперанского возражали, «что причины, побуждающие чиновников полицейских настаивать на запрещении, суть выгоды не казенные, но их собственные, — их собственная торговля с инородцами...»). В обирании инородцев принимало участие и духовенство. «Эти священники, — пишет Сибирский генерал-губернатор Пестель, — обязаны были стараться о распространении христианской религии между сибирскими идолопоклонниками. Вместо того, они разъезжали по губернии и грабили эти же народы. Мне и губернатору часто приносили жалобы на священников»³.

³ Русский архив. 1875. № 4. С. 400, 401.

Помимо торговли с туземцами, постоянным яблоком раздора между администрацией и купцами, была закупка хлеба у крестьян, которую и те и другие хотели превратить в собственную монополию. К постоянным конфликтам вели также заготовки мяса, винокуренное дело и проч. И с той, и с другой стороны раздавались постоянные жалобы и обвинения. Генерал-губернаторы писали всеподданнейшие доклады, купцы посылали к царю жалобы и доносы. Назначавшиеся из Петербурга вследствие этого сенаторские ревизии, как напр[имер], ревизия Селифонтова^v, помогали делу очень мало. «Никто не в состоянии изобразить, — говорит Пестель в одном из своих рапортов Александру I, — утонченной хитрости к изысканию способов на незаконные обогащения». Купцы же в своих жалобах указывали на невероятный произвол администрации: «Тринадцать лет, как черная туча, висело над Сибирью управление Пестеля⁴, — пишет Калашников^{vi} в своих “Записках иркутского жителя”». — Тринадцать лет страдало несколько миллионов народа, — говорит он, — под игом жесточайшего самовластия».

Особенно тяжелым время Пестеля было для Иркутской губернии, где губернатором был ставленник Пестеля — Трескин, являющийся в истории сибирской администрации начала XIX в. исключительно колоритной фигурой⁵ (*далее зачеркнуто*: Мнения современников, а равно и историков о деятельности Трескина весьма разноречивы. Противники Трескина представляют его как деспота-самодура и страшного взяточника, в то же время его сторонники превозносят его выше всякой меры). Трескин, пишет автор одних воспоминаний, «был деспот безграничный...

⁴ Пестель Ив[ан] Бор[исович] (1765–1843), тайн[ый] сов[етник], сенатор, член Гос[ударственного] сов[ета], президент Главн[ого] почтового правления. С 1806 по 1819 г. был Сибирским генерал-губернатором. Крайне самовластный и себялюбивый человек. Его управление Сибирью носило деспотический характер.

⁵ Трескин Ник[олай] Ив[анович] (1763–1842), действительный статский советник, Иркутский губернатор с 1806 по 1819 г. (*далее зачеркнуто*: Сын священника, семинарист по образованию. Службу начал писарем в Московском почтамте, когда почт-директором был Пестель. Последний считал Трескина очень способным человеком и по его протекции он был назначен вице-губернатором Смоленской губернии. После же назначения самого Пестеля Сибирским генерал-губернатором он настоял на назначении Трескина Иркутским губернатором, пост которого с его точки зрения был особенно ответственным. По приезде в Сибирь Сперанского Трескин был уволен со службы и предан суду Сената, по приговору которого был лишен чинов и права въезда в столицы. После своего увольнения он поселился под Москвой в с. Всесвятском, где и умер).

и страшный корыстолюбец, его считали в десятках миллионов» (*далее зачеркнуто*: Но и данный автор все же признает, что «Трескин был умный делец и деятельность его была изумительна». Он знал все и распоряжался всем. Один из горячих поклонников Трескина его современник, некий Булатов — отзывался о нем, что «это был гениальный администратор», другой современник — Калашников, говорит, что «Трескин был одарен от природы необыкновенным умом» и что «ума и деятельности его достало бы на десять губерний». Сторонники Трескина указывают на большие его заслуги перед краем, а именно — распространение земледелия среди бурят, устройство путей сообщения, превращение в хозяев бродяг поселенцев, установление порядка в управлении округами и ряд других мероприятий). Громадное влияние на дела при Трескине имела его жена, известная Агнеса Федоровна — т[ак] наз[ываемая] Трещиха, которая, по словам Вагина, вместе со своими любимцами «грабила открыто».

По свидетельству современника у Трескиной вместе с ее приближенными была в гостином дворе своя особая лавочка, в которой продавались различные вещи, приносившиеся ей в виде взяток (*далее зачеркнуто*: Вследствие настояний Трескина купеческая партия в Иркутске была временно разгромлена. «После разгрома купеческого общества, как пишет Калашников, глубокое и повсеместное безмолвие водворилось в губернии: терпели и молчали; возвышать голос было уже безумие». Но с другой стороны возымели свое действие и многочисленные жалобы иркутских купцов. Пестель, а за ним и Трескин были уволены. Купечество снова подняло голову. И вновь назначенному Сибирскому генерал-губернатору Сперанскому пришлось так же, как и его предшественникам, столкнуться с вопросом о купеческой монополии. То же самое мы наблюдаем и в последующее время). В любопытной докладной записке от 25 февраля 1849 г. Николаю I иркутский генерал-губернатор Н.Н. Муравьев^{vii}, между прочим, пишет: «Я нашел здесь весь народ под влиянием и в руках богатых торговцев, промышленников и откупщиков и всех чиновников правительственных, почти без исключения, на содержании и в услугах тех же богатых людей»⁶.

⁶ Струве Б.В. Воспоминания о Сибири. 1848–1854 г. СПб., 1889. С. 52–54.

Важнейшим моментом иркутской жизни, определявшим в основном все ее направление в течение первой половины XIX в., была торговля и неизбежно связанные с нею обман и безграничная эксплуатация масс. «Торговля и нажива, говорит автор “Воздушного тарантаса”, бывший в Иркутске в 20-х годах прошлого столетия, — вот два термина, которые ярко блистали на горизонте иркутском в то время, и в центре которого, как в фокусе зажигательного стекла, сосредотачивались жизнь и жизненная деятельность»⁷.

В то же время, благодаря своему выгодному географическому положению, Иркутск уже [в] XVIII столетии приобрел значение крупного торгово-промышленного центра Восточной Сибири и уже тогда выделялся среди других, даже значительно более старых сибирских городов, как своим богатством, так и своею культурностью и оживленностью. Недаром современники называли его сибирским Петербургом. С наступлением XIX в. город еще более увеличился и обогатился. Автор относящегося ко второму десятилетию XIX стол[етия], «Живописного путешествия от Москвы до Китайской границы», Мартынов свидетельствует, что «Иркутск может похвастаться прекраснейшим городом Сибири, — а также богатейшим по обширности торговли». «Будешь поражен удивлением, — говорит Мартынов, — найдя в сердце Сибири — в 6 000 верстах от Петербурга столь прекрасный город, видя на каждом шагу признаки изящных наук и художеств»⁸. Ряд других источников подтверждает приведенное свидетельство и из них явствует, что Иркутск уже в начале XIX столетия, несомненно являлся не только торговым, но и культурным центром для всей Восточной Сибири. Значительная часть, особенно среднего купечества была, разумеется, совершенно некультурна и даже малограмотна, но в то же время в среде торгово-промышленного класса Иркутска был целый ряд людей, интересовавшихся наукой и литературой и даже занимавшихся собиранием книг. <...>

⁷ Александров М. Воздушный тарантас или воспоминания о поездке по Восточной Сибири // Сб. историч. статистич. сведений о Сибири и сопредельных ей странах. СПб., 1875. Т. 1. С. 16.

⁸ Мартынов А. Живописное путешествие от Москвы до Китайской границы. СПб., 1819. С. 41, 42.

Глава II

Дед В.Н. Баснина, Тимофей Максимович Баснин, вел на Лене большую торговлю мукой, отправляя ее с верховьев Лены до Якутска. В конце XVIII в., будучи уже 70-летним стариком, Тимофей Баснин вместе со своими троими сыновьями переселился в Иркутск. Умирая в 1799 г., Тимофей Баснин завещал своим сыновьям Николаю, Дмитрию и Петру жить «единодушно и нераздельно» в оставленном им наследственном доме и продолжать «в совокупности» отцовскую торговлю (*далее зачеркнуто*: Выполняя «священную волю отца»). Сыновья Тимофея Баснина продолжали отцовскую мучную торговлю, причем они выменивали на Лене муку на меха, а последние отправляли отчасти в Европейскую Россию, частью же в Кяхту, где вновь выменивали их уже на чай, который в свою очередь посылали на Макарьевскую ярмарку.

Баснины принадлежали к сравнительно богатым купеческим фамилиям, но они далеко не были так богаты, как некоторые другие, так же торговавшие на Кяхте купцы, напр[имер], иркутские же — Немчиновы, Трапезниковы, Медведниковы; московские — Куманины; казанские — Крупенниковы и мн[огие] другие. Торговали Баснины чаем, пушниной и мануфактурным товаром. Об удельном весе их фирмы можно судить по следующим данным. В 1829 г. на Нижегородскую ярмарку привезено было из Кяхты 24 000 цибиков чая, которые находились в руках только небольшой сравнительно группы купцов, из числа 54 фирм, торговавших на Кяхте, а именно всего лишь 15 фирм. В числе их были и Баснины и им принадлежало 2 042 цибика, т.е. около 1/12 части всего привезенного на ярмарку чая. Наиболее видными среди старшего поколения этого рода в первой половине прошлого столетия были — отец В.Н. Баснина Николай и его брат Петр (*далее зачеркнуто*: Николай и Петр Баснины — это характерные и красочные фигуры на фоне сибирской жизни начала XIX в. Первый из них — церковный староста Иркутского собора и винный откупщик). Николай Баснин был коммерции советником, именовался в актах «негоциантом» и продолжал вести совместно со своими братьями ленскую и кяхтинскую торговлю. Когда вследствие сильного голода, бывшего в 1802 г. в Восточной Сибири, Сенатом было запрещено винокурение в

Иркутской губернии, Н. Баснин взял еще подряд на доставку спирта из Тобольской губернии, а вместе с тем и на продажу вина по всей Иркутской губернии, включавшей в себя тогда всю северо-восточную Азию вплоть до Камчатки.

Помимо содержания винного откупа Н. Баснин занимался перекупкой и поставкой в казну хлеба. В связи с этим Пестель обвинял его в сокрытии хлебных запасов и искусственном вздутии цен (*далее зачеркнуто*: Пробовал Н.Т. Баснин вместе со своими братьями заниматься и золотопромышленностью, но потерпел в этом деле неудачу и, безрезультатно истратив значительный капитал, бросил это дело).

Наряду со своими занятиями различными спекуляциями Н. Баснин (*далее зачеркнуто*: в то же время) имел склонность и к книгам. Он первый развел сад при своем доме и вместе с братом Петром, положил начало будущей библиотеки его сына (*далее зачеркнуто*: Чрезвычайно интересную фигуру представляет собой другой сын Тимофея Баснина — Петр. Это был умный и энергичный человек). <...>

[Глава III]

В.Н. Баснин родился в Иркутске 16 декабря 1799 г. Образования в детстве он не получил никакого. П.А. Словцов^{viii}, бывший как раз около того времени директором Иркутской гимназии, замечает, что «купечество здешнее очень хладнокровно к тому, чтобы дети его сословия знали более простой грамоты»⁹. По словам Н.С. Щукина^{ix}, Баснин в этом отношении не представлял исключения и также учился лишь одной грамоте у заштатного священника. Имеется по этому поводу и собственное свидетельство Баснина. В 1846 г., в письме к известному писателю А.В. Никитенке^x Баснин писал про себя: «Я купец — и постоянный житель Иркутска. Учился кое-как до 12-летнего возраста, а с этого времени пустился в коммерческие походы по России. объездил более 100 тысяч верст. С 1840 г. постоянно живу в сво-

⁹ Корейша Я.А. Иркутская гимназия с 1805 по 1829 г. // Тр. Иркутской ученой архивной комиссии. Иркутск, 1916. Вып. 3. С. 199.

¹⁰ Никитенко Александр Васильевич (1804–1877), известный писатель, историк литературы и критик, профессор Петербургского университета и цензор. Автор известного дневника «Моя повесть о самом себе...» (СПб., 1893).

ем семействе, управляя довольно обширными делами нашей фамилии из своей конторы. Знаю один только отечественный язык и то, вероятно, плохо. С малолетства люблю чтение всего хорошего и не люблю пользоваться чужими книгами... Все изящное люблю страстно, но преимущественно гравюры»¹¹.

М.И. Муравьев-Апостол, бывший в Иркутске проездом к месту своей ссылки и познакомившийся с Басниным в доме декабриста А.Н. Муравьева, отзываясь об нем как «ловком, элегантном молодом человеке» и на основании впечатления произведенного на него Басниным Муравьев-Апостол сделал даже совершенно ошибочное заключение, что сибирские купцы-старика не жалели денег на воспитание и образование своих детей¹² (*далее зачеркнуто*: Несмотря на отсутствие систематического школьного образования, Баснину путем самостоятельных занятий удалось достигнуть того, что он со временем был вполне образованным человеком. Известно, между прочим, его увлечение, под влиянием бывшего его другом С.С. Щукина, ботаникой. Заинтересовавшись этой наукой, Баснин начал сам собирать гербарии растений Восточной Сибири. Его любовь к ботанике еще более усилил живший в Иркутске в 30-х годах известный русский ботаник Н.С. Турчанинов¹³. Найденный Басниным один новый род нимфеа получил в науке даже название *Nymphaeа Basniniаna*¹⁴. Вспоминая много лет спустя свои давние занятия собиранием растений, Баснин писал своему другу, известному сибирскому писателю Н.С. Щукину в юмористическом тоне: «Жаль, что в “Даурской флоре” Н.С. Турчанинов не прибавил, что такое это редкое растение названо именем неучи Баснина, который, как лошадь, привозил воз трав, не зная, что из них выйдет замечательного для науки. М.(?) я писал, говорит Баснин,

¹¹ Письмо В.Н. Баснина к А.В. Никитенке от 30 декабря 1846 г. // Академия Наук СССР. Институт Русской литературы. Рукописный отдел. № 18422 — СХХI-б. 5. (Выходные данные источника приведены так, как они указаны в статье. — А.Г.).

¹² Муравьев-Апостол Матв. Ив. Воспоминания // Русская старина. 1886. Сент. С. 543, 544.

¹³ Н.С. Турчанинов профессор ботаники Харьковского университета. В 30-х годах он был советником Главного управления Восточной Сибири (Древняя и новая Россия. 1876. Т. 2. С. 376; Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. XXXIV. С. 249).

¹⁴ Русский биографический словарь. СПб., 1900. Т. II. С. 561.

что как-то эта лошадь привезла три экземпляра растения, нигде не описанного...»¹⁵).

В связи с собиранием гравюр и картин Баснин начал заниматься изучением истории искусств и из его писем видно, что он вполне свободно разбирался в различных школах живописи и был недурным ценителем в этой области. Наконец, как уже упоминалось, он был страстным любителем музыки и театра.

Страсть к книгам у Баснина обнаружилась еще в раннем детстве, уже тогда он начал покупать на базаре различные лубочные издания. С годами эта страсть все более и более развивалась и со временем превратилась в настоящее библиофильство. Впоследствии к собиранию книг присоединилось еще собирание гравюр, картин и различных рукописных материалов. Весьма большое образовательное значение для Баснина имела его поездка в Петербург в 1828 г. Баснин еще и до того, в 1818 г. будучи всего лишь 19-летним юношей, совершил свою первую поездку, как говорят в Сибири, в «Россию», именно на Нижегородскую Маркарьевскую ярмарку и затем в Москву. Но тогда он ездил исключительно по торговым и судебным делам, по поручению отца. Совсем другой характер носило путешествие Баснина в Петербург совершенное им в 1828 г. Во время пребывания своего в Петербурге Баснин с жадной любознательностью осматривал все достопримечательности столицы и затем подробно сообщал обо всем виденном в своих письмах в Иркутск. Баснин с восторгом рассказывает в этих письмах о Неве, Летнем саде, Марсовом поле, дворцах, адмиралтействе, Петропавловской крепости, соборах, об окрестностях Петербурга и проч. Но особенное внимание Баснина привлекли — Эрмитаж, императорская публичная библиотека, Ботанический сад и Итальянская опера. В Петербурге Баснин познакомился с художником Венециановым, а также основателем журнала «Отечественные записки» и известным любителем древностей П.П. Свиньиным (*далее зачеркнуто*: В восхищении Баснин остался от ботанического сада и Итальянской оперы, и с тех пор он сделался приверженцем итальянской музыки). В публичной библиотеке Баснин познакомился со слу-

¹⁵ Архив Баснина. Письмо В.Н. Баснина к Н.С. Щукину от 3 апреля 1871 г. № 118. По словам Турчанинова одно из найденных Басниным растений «только и состоит в мире из трех экземпляров» (Письмо В.Н. Баснина сыну И.В. Баснину от 18 апреля 1870 г.).

жившим в те годы там баснописцем И.А. Крыловым, бывшим тогда уже старцем. О своей встрече с Крыловым Баснин, между прочим, писал домой, что он «довольно долго с ним говорил» и что при этом разговоре «комплименты сыпались с обеих сторон». Осмотрел Баснин в Петербурге так же и ряд заводов — Монетный двор, Литейный завод, императорские фарфоровый и хрустальный заводы. Баснин подробным образом описывает все процессы их производств. Особенный интерес вызвал у Баснина металлообрабатывающий завод Берда. Завод этот работал паровыми машинами и освещался газом — то и другое было тогда в России и особенно для сибиряка еще диковиной¹⁶. Во время этой поездки Баснин между прочим посетил Н.А. Полевого, с которым он находился в дальних родственных отношениях. Зная каким злобным нападкам подвергался сам Полевой и его «Московский телеграф» со стороны его литературных врагов, Баснин выразил ему искреннее сочувствие по поводу этих нападков. Но каково же было удивление Баснина, когда придя как-то после того к Полевому обедать, он встретил тут всех заклятых, по его мнению, врагов хозяина. Здесь были — Греч^x, Булгарин^{xi}, Воейков^{xii} и мн[огие] другие и они все были с Полевым на ты¹⁷.

Дом Басниных в Иркутске находился на улице, которой с начала XIX столетия было присвоено наименование Баснинской (ныне ул. Свердлова) и расположен был почти рядом с нынешним зданием телеграфа. Это был большой двухэтажный каменный дом с двумя каменными же флигелями. Район Тихвинской площади (ныне площадь им. III Интернационала), где находился дом Баснина, в первой половине XIX в. был административным и торговым центром города. Среди площади были расположены два больших каменных гостиных двора, а по сторонам ее различные административные и судебные учреждения. На площади целыми днями шла оживленная перегрузка русских и китайских товаров, а на примыкавшем к ней, так называемом, малом базаре с утренней зари и до позднего вечера шла житейская суета. При-

¹⁶ Архив Баснина. Письмо В.Н. Баснина из Петербурга в Иркутск от 1 ноября 1828 г. № 5.

¹⁷ Черепанов С.И. Отрывки из воспоминаний Сибирского казака // Древняя и новая Россия. 1876. Т. II. № 7. С. 261.

легающие к площади улицы были также торговыми, и на них было сосредоточено значительное число магазинов.

Эразм Стогов^{xiii} в своих воспоминаниях, содержащих не мало любопытных данных по истории Иркутска времени Трескина, Сперанского и Лавинского^{xiv}, описывая быт Иркутского купечества, приводит в качестве примера как раз описание Баснинского дома, а вместе с тем говорит и о нем самом, как «типе иркутского первогильдейца». «Иркутские купцы люди образованные, в щегольских фраках; танцуют с молодыми женами, их, я знал, — пишет Стогов, — что они в платьях не редко выписанных из Парижа. Коляски из Питера с иголки. Вот вам купец Вася Баснин...» И дальше Стогов рассказывает, как однажды, гуляя как-то с генерал-губернатором Лавинским, они вместе с ним зашли к Баснину, к которому Лавинский, несмотря на разницу положений и возраста, относился очень дружественно. «Огромный, двухэтажный, каменный дом, пишет Стогов, чистота прекрасная. Мы нашли Васю Баснина в библиотеке, в богатом китайском шелковом халате, в большом покойном кресле, с новейшею книгою в руках...»¹⁸.

Квартира Баснина была обставлена комфортабельно и культурно. Особый музейный характер квартире придавало собрание масляных картин (*далее зачеркнуто*: В зале между прочим находился оригинал знаменитой гравюры Чиавани с картин Тициана «Вознесение богоматери». Украшением кабинета являлось английское бюро с массою ящичков). Особенную известность Баснинский дом приобрел благодаря своему саду и еще более благодаря устроенным Басниным сказочным оранжереям. Библиотека и оранжереи были двумя кумирами Баснина и трудно сказать, которому из них он отдавал предпочтение. В оранжереях Баснина вызревали мандарины, персики, виноград и ананасы. Здесь были собраны редчайшие растения всего света, которые Баснин выписывал и из Риги, и из Китая, Японии и даже Австралии, тратя на это огромнейшие средства. Особенно замечателен в этих оранжереях по количеству разновидностей и по своей красоте был подбор роз — желтые из долины Кандагара,

¹⁸ Стогов Э. Очерки, рассказы и воспоминания // Русская старина. 1878. Ноябрь. С. 526.

Бурбонские, бенгальские и др., живописно сгруппированные на фоне мирт, кипарисов и лавровых деревьев¹⁹.

Какое великолепие было в оранжереях Баснина в то время, когда на улице была еще суровая иркутская зима или по крайней мере морозные утренники — видно хотя бы, например, из следующего письма Баснина, в котором он описывает состояние одной из этих оранжерей в самом начале апреля (1856 г.): «В обширной плодовой роскошное лето, пишет Баснин. Цветов распустилось 43 вида. Замечательны старые розы, сирени, амариллисы, рододендроны, махровые вишни и персики, китайская деклитра, азалии и проч.»²⁰. Было от чего приходиться в восторг посетителям Баснинского сада. Взять хотя бы картину одновременно цветущих нескольких сот колоссальных кустов георгин, один из которых достигал высоты свыше сажени, а в диаметре был более полутора аршин и на котором было до 60 распустившихся цветов и еще около 60 бутонов²¹. <...>

В таком виде представляется окружающая материальная обстановка, среди которой жил В.Н. Баснин в своем иркутском доме. Семья Баснина была довольно многочисленна. Женился он рано, когда ему было только 21 год, на дочери иркутского же купца Портнова Елизавете Осиповне (*далее зачеркнуто*: Это была очень интересная женщина. В.Д. Соломирский, по словам известного Медокса прямо «превозносил» Баснину²². Правда, сам Медокс был на этот счет иного мнения и отзывался о Басниной, что она «право дрянь». Но все же и Медокс признавал, что «ее лицо имеет хороший античный профиль», но «en face» по его словам, вовсе неправильно, дурно. Глаза очень худы и зубы то же. В глазах какая-то немота, тупость, безжизненность).

¹⁹ Сельский. Письмо к редактору Иркутских губернских ведомостей (содержащее описание оранжерей В.Н. Баснина) // Иркутские губернские ведомости. 1857. № 6. С. 3–6.

²⁰ Архив Баснина. Письмо В.Н. Баснина к сыну О.В. Баснину от 4 апреля 1856 г.

²¹ Архив Баснина. Письмо В.Н. Баснина к сыну О.В. Баснину от 24 августа 1857 г. См. так же «Садовый дневник». Ч. 1. Л. 1 и след.

²² Соломирский, друг А.С. Пушкина был побочным сыном русского посла в Англии Д.П. Татищева, это был человек очень образованный, любивший литературу и сам писавший стихи. В 1830–1835 гг. Соломирский был в Сибири в командировке для исследования положения монголо-бурятского духовенства. Живя во время этой командировки в Иркутске, он и познакомился с Басниным (Пушкин. Письма / под ред. В.Л. Модзалевского. П. 1826–1830 // Тр. Пушкинского дома. М.-Л., 1928. С. 239–241).

У Баснина было 11 человек [детей] — 8 сыновей и 3 дочери, но восьмерых из них Баснин потерял еще при своей жизни. Четверо из них умерло в детстве, а остальные четверо уже взрослыми. <...>

Для обслуживания значительного хозяйства баснинского дома, требовался соответствующий штат служащих и прислуги, являвшейся дополнением к «чадам и домочадцам». Состав этого штата так же весьма интересен, как характерный для богатого купеческого дома того времени. Одних мужчин в этом штате числилось 10 человек — тут имелся заведывающий хозяйством, староста (*далее зачеркнуто*: Петр Евдокимович) Литвинцев, кучер Назар Шергин, затем садовник, дворник, повар и ряд других *далее зачеркнуто*: Особо приближенным к семье Басниных лицом был садовник Никон Гордеев, которого впоследствии Баснин увез с собой в Москву и про которого он писал в Иркутск: «Никон наш был крестьянином, почтовым ящиком, работником на).

Общественная жизнь Иркутска 30–50 гг. была, вообще говоря, чрезвычайно пустой, высшая часть общества — наиболее крупные чиновники, горные инженеры, несколько более богатых купеческих фамилий группировались около генерал-губернатора, в доме которого устраивались званые обеды и вечера. Прочее общество состоявшее из людей среднего достатка, в которое входили чиновники, учителя и купечество, делилось на более или менее тесные кружки и проводило свой досуг преимущественно за картами; довольно значительно развито было в нем и пьянство. Среди же мелкого купечества и мещанства пьянство было поголовным²³. Даже в более позднее время, уже в 70-х годах по словам одного из современников, гр[афа] Ростопчина, «Излюбленным занятием обеспеченных классов населения Иркутска являлись — праздность, сон, сплетни, карты, кулачные бои, обжорство и сверх того пьянство...»²⁴. Но в то же время в этом обществе еще с XVIII столетия являются культурные прослойки, состоявшие преимущественно из ссыльных, среди кото-

²³ Вагин В.И. Сороковые годы в Иркутске (из воспоминаний) // Лит. сб. изд. ред. «Восточное обозрение». СПб., 1885. С. 261–269.

²⁴ *Russie anecdotique, bibliographique, biographique, géographique, historique, litteraire, statistique et contrairement a l'ordinaire — veridique. Ouvrage dedie aux etrangers, curieux de la connaitre non pour l'injurier, par le Comte Andre Rastapchine. Bruxelles, 1874. P. 130–131.*

рых в первой половине XIX ст[олетия] видную роль играли поселенные в Иркутске и вокруг него декабристы, а затем местная интеллигенция — педагоги, инженеры, часть чиновничества, и наконец, довольно значительный ряд представителей торговой буржуазии, среди которой в первой половине XIX в. было уже не мало людей не только культурных, но и больших любителей книги и даже книжных коллекционеров.

На общем фоне сонной, сытой и пьяной жизни иркутского общества пробуждение умственной жизни стало особенно заметным около середины XIX стол[етия] — в 50–60-х годах. М.И. Венюков в изданных им в Амстердаме его воспоминаниях, одна из глав которых посвящена Восточной Сибири времени генерал-губернатора Муравьева, говорит, между прочим, что Иркутск в те годы даже отличался от огромного большинства провинциальных центров широким умственным движением²⁵.

К 50-м годам относится возникновение в Иркутске чрезвычайно любопытного явления, так называвшихся литературно-разговорных вечеров. Вечера эти имели публичный характер, на них происходили чтения различных и научных произведений, делались доклады по различным вопросам и происходило обсуждение. П.А. Кропоткин, приехав в Иркутск в 1862 г., отметил в своем дневнике, что «Иркутск далеко ушел от русских губерний; здесь множество отдельных кружков, которые живут так, как им нравится. Кружки эти очень разнообразны, начиная от картежного, кончая высшими, либеральными вполне...»²⁶.

Показателем либерализма довольно широких кругов местного общества того времени может служить то обстоятельство, что Герценовский «Колокол», а так же и его «Полярная звезда» были хорошо известны в Иркутске, регулярно доставлялись сюда и читались во многих купеческих домах.

Одним из наиболее культурных очагов Иркутска первой половины XIX ст[олетия] был и интересующий нас дом Баснина. Правда, и здесь происходила, хотя и небольшая, карточная игра, но главное, что объединяло кружок, собравшийся в баснинском доме — это интеллектуальные интересы — книги и музыка. По

²⁵ Венюков М.И. Из воспоминаний. Кн. 1. (1832–1867). Амстердам, 1895. С. 273, 274.

²⁶ Кропоткин П.А. Дневник. М., Пг., 1923. С. 45.

своему составу круг баснинских знакомых был довольно пестрым, по преимуществу к нему принадлежали местные ученые и исследователи, педагоги, чиновники различных рангов, некоторые из купцов, бывали у Баснина и представители высшей местной администрации, как напр[имер], генерал-губернатор [Н.Н.] Муравьев, хорош он был и с архиепископом Нилом, который сам был большим библиофилом и вообще любителем старины. Видное место среди баснинских знакомых занимали декабристы. Если бы нарисовать портрет всех посетителей баснинского дома, получилась бы любопытная галерея типов иркутского общества данного периода. Не исключена возможность, что некоторые из них послужили прототипами героев [Н.В.] Гоголя. Известный коммерсант того времени Бенардаки^{xv}, бывший учредителем Амурской торгово-промышленной компании и винным откупщиком по Восточной Сибири, находился в довольно близких отношениях с Гоголем. Бенардаки был (*далее зачеркнуто*: не только) коммерсантом американской складки и сумел за 15 лет нажить капитал, приносивший ему доход в пол миллиона рублей в год; в то же время это был человек с весьма широким кругозором и хороший знаток русской жизни вообще. М.П. Погодин, хорошо знавший Бенардаки говорит про него, что «он был для него профессором, лекции которого о состоянии России, о характере, достоинствах и пороках тех или других действующих лиц, от министра до бродяги, о состоянии суда... о помещиках и их хозяйстве, о хозяйстве крестьянском, о положении городов... слушал я с жадностью». И Погодин рассказывает, что живя в 1839 г. в Мариенбаде — он, Гоголь и Бенардаки всякий день после ванны ходили втроем «по горам и долам и рассуждали о любезном отечестве». При чем Гоголь «выспрашивал Бенардаки о разных интересовавших его вещах и дополнял свою галерею оригинальными портретами»²⁷. Несомненно, что Бенардаки по долгу живший в Иркутске и хорошо знавший иркутское общество, рассказывал о многом из наиболее интересных в том или ином отношении иркутянах Гоголю.

Более тесный круг баснинского дома составляли следующие лица. Сем[ен] Сем[енович] Щукин, сначала учитель, а затем

²⁷ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1888–1910. Кн. V. С. 300, 301.

директор гимназии. Это был энциклопедист-исследователь. Он собирал энтомологические коллекции, гербарии, производил метеорологические наблюдения, рылся в архивах. Это был человек живший исключительно умственными интересами. В молодые годы Баснина он имел на него очень большое влияние и под его влиянием Баснин увлекся изучением ботаники (*далее зачеркнуто*: Затем постоянным посетителем баснинского дома был К.П. Бобановский, преемник Щукина по должности директора гимназии. Это был так же человек в высшей степени просвещенный). Тесная дружба связывала Баснина с И[лларионом] Сер[геевичем] Сельским^{xvi}, одним из культурных людей в Иркутске того времени²⁸. В довольно близких отношениях находился Баснин, как мы уже говорили об этом выше, со многими из декабристов, живших на поселении, как в самом Иркутске, так и в вокруг него расположенных селениях. Первое знакомство Баснина с декабристами началось еще во время нахождения их в Петровском Заводе, когда сам он жил в Кяхте. И.И. Попов рассказывает, что уже в это время Боткин, Игумнов, Баснин и др[угие] посылали в Петровский Завод заключенным там декабристам чай, китайские материи, вина и пр[очее], и сами приезжали туда знакомиться с ними²⁹. Живя же в Иркутске, Баснин, равным образом так же и брат его жены Портнов^{xvii}, бывший его неразлучным другом, находились в самых приятельских отношениях с Александром Николаевичем Муравьевым, в доме которого, по свидетельству известного Романа Медокса, они проводили, чуть ли не целые дни³⁰. Близок был Баснин и с семьями Волконского и Трубецкого. В письмах Баснина неоднократно упоминаются имена того и другого, так же как и многих других декабристов. Правда, сведения о декабристах которые мы здесь находим не имеют большого значения, но как бы то ни было все

²⁸ Сельский И.С. (1802–1861), член Совета Главн[ого] управл[ения] Вост[очной] Сибири. Правитель дел Сиб[ирского] отд[ела] Русск[ого] геогр[афического] общества. Член ряда столичных ученых обществ Автор многих работ о Сибири в современных периодических изданиях (См. о нем: Русский биографический словарь. Т. Сабанеев — Смыслов. СПб., 1904. С. 293.).

²⁹ Попов И.И. Минувшее и пережитое. Сибирь и эмиграция. Л., 1924. С. 37.

³⁰ Штрайх С.Я. Роман Медокс. Похождения русского авантюриста XIX века. М., 1929. С. 201, 206, 207, 208, 214, 287.

же и они представляют собою не лишённые интереса штрихи для биографии некоторых из декабристов. <...>

Вот в общих чертах тот тесный круг, среди которого вращался Баснин, живя в Иркутске. Вспоминая после своего переселения в Москву, свою иркутскую жизнь и близких своих тамошних знакомых, Баснин писал в одном из своих писем из Москвы в Иркутск: «Мы здесь, кажется не скучаем; однако же ощутительно недостает иркутской постельки, ералажика, старосты, Илларионуса, Яшеньки, Мангазеи, Бобоносса, Андреуса, Портнягина и кое-кого и кое чего еще. Всем и всему кланяюсь — и от себя и от домочадцев моих... Приведет ли бог, говорит Баснин, когда-нибудь, и где-нибудь, слиться воедино Амуру, Ангаре, Енисею и Москве со всеми старинными, привычными принадлежностями и сказать: “Берег. Снимайте, други, паруса”»³¹.

Комментарии

Автограф: машинопись. ГАИО. Ф.р-2727. Оп. 1. Д. 30.

Объем — 24 листа с оборотами. Не датирована. Наличие правки.

Рукопись находится в фонде «Семейный фонд Андреевых». Каким образом работа оказалась в этом фонде, можно только предполагать. В заглавии рукописи фамилия Манассеина стоит под вопросом, но это его работа, т.к. никто так детально в то время не знал историю семьи Басниных, да и сравнение ее с работой Манассеина «Сибирский библиофил В.Н. Баснин и его библиотека (первая половина XIX века)», и другими — подтверждает его авторство.

Название работы «Из истории Сибирской торговой буржуазии (В.Н. Баснин)», так же не авторское. На обороте последнего листа надпись: «От Г. Вендриха». Значит текст поступил в распоряжение семьи Андреевых от иркутского историка Г.А. Вендриха, но в каком году — неизвестно. И как он оказался у него, тоже неясно. Можно предположить, что Г. Вендрих представил рукопись Р.А. Андреевой, учитывая, то, что она изучала историю садоводства в Сибири, а, как известно, В.Н. Баснин был одним из первых, кто занимался разведением цветов, фруктовых деревьев в оранжереи и саду в своей иркутской усадьбе. Дом купцов Басниных окружал сад, бывший редкостью в те времена. Василий Николаевич превратил сад в образцовое садоводство. В сказочных оранжереях он собрал редчайшие растения, выписываемые из Риги, Китая, Японии,

³¹ Архив Баснина. Письмо В.Н. Баснина в Иркутск и Красноярск от апреля (б. числа) 1858. № 30.

Австралии, занимался акклиматизацией плодовых деревьев, овощей и разведением небывалых в нашем городе цветов.

Рукопись публикуется с незначительными сокращениями. В круглых скобках приводится зачеркнутый автором в рукописи текст.

ⁱ Ныне Российский государственный архив древних актов.

ⁱⁱ Муравьев Александр Николаевич (1792–1863) — декабрист, полковник. Участвуя вместе с Пестелем в организации тайного общества «Союз Спасения». Вышел из него задолго до восстания декабристов. Муравьев был без лишения прав сослан в Верхнеудинск; ему было разрешено поступить на службу. С 1828 г. назначен иркутским городничим, а затем председателем губернского правления. В период службы в Иркутске Муравьев оказывал некоторую поддержку ссыльным декабристам. В 1833 г. Муравьев был назначен губернатором в Тобольск, затем занимал ту же должность в Архангельске и Нижнем Новгороде. Он много сделал для благоустройства Иркутска: создал парк на берегу Ангары, впервые построил тротуары, составил статистическое описание Иркутска с подробными сведениями о численности населения, его национальном и социальном составе, состоянии торговли и промышленности. Местная полиция была доведена до отличного состояния, резко сократилось число преступлений, пресекалось взяточничество.

ⁱⁱⁱ Полевой Николай Алексеевич (1796–1846) — русский писатель, журналист, историк, член-корреспондент Петербургской Академии Наук (1831). Сын иркутского купца Алексея Евсевиевича Полевого, родной брат Екатерины Алексеевны Авдеевой-Полевой — первой сибирской и иркутской писательницы.

^{iv} Щепкин Михаил Семенович (1788–1863) — актер, реформатор русского театра.

^v Селифонтов Иван Осипович (1743–1822), тайный советник, Сибирский генерал-губернатор в 1803–1806 гг. Был назначен на эту должность после проводившейся им в 1801–1803 гг. ревизии управления Сибирью. В 1803 г. было восстановлено Сибирское генерал-губернаторство, причем новому Тобольскому и Иркутскому генерал-губернатору, по его же собственному проекту, были предоставлены права большие, чем его предшественникам, как, например, ему предоставлялось не только удалять от должности и предавать суду, но и ссылать в отдаленные места чиновников; особенное же внимание велено было обратить на то, чтобы искоренить господствующий в Сибирском населении «дух ябеды».

^{vi} Калашников Иван Тимофеевич (1797–1863), иркутянин, окончил местную гимназию и служил чиновником в Иркутской казенной экспедиции. Писатель, хорошо знавший быт и нравы местного населения, очень популярный в первой половине XIX в., современные ему критики именовали его «сибирским Купером».

^{vii} Николай Николаевич Муравьев-Амурский.

^{viii} Словцов Петр Андреевич (1767–1843) — русский историк Сибири, общественный деятель, писатель, основоположник краеведения Сибири. Учился в Тобольской духовной семинарии, а затем в Высшей Санкт-Петербургской Невской семинарии. В 1792 вернулся в Тобольск. Преподавал в семинарии математику, философию и красноречие. По приказу Екатерины I за дерзкие проповеди, «революционные призывы», в 1794 г. заключен в Валаамский монастырь. Павел I в связи с болезнью П.А. Словцова повелевает определить его на службу в таможне. В начале 1808 г. ложно обвинен во взяточничестве и выслан на службу в Тобольск. С 1815 г. — директор гимназии в Иркутске, многое делает для ее развития. С назначением генерал-губернатором Сибири М.М. Сперанского, соученика Словцова по Петербургской семинарии, Словцов становится в 1821 г. инспектором (визитатором) народных училищ Сибири. Активно содействует открытию новых приходских школ и училищ. С 1829 г. в отставке, переехал в Тобольск. Основоположник научной историографии Сибири. Поднял вопрос о месте Сибири в составе России. Автор первого обобщающего труда о Сибири «Историческое обозрение Сибири» (Т. 1–2, 1838–1844).

^{ix} Щукин Николай Семенович (1792–1883) — писатель-краевед, брат писателя С.С. Щукина. Учился в иркутской гимназии и некоторое время преподавал в ней. Много ездил по Сибири и России, большую часть жизни прожил в Петербурге. В 30-е г. XIX, в период расцвета сибирской беллетристики, наряду с произведениями Н. Полевого и Калашникова начали появляться и сочинения Щукина. Активно сотрудничал в журнале «Московский телеграф», «Северная пчела», «Москвитянин», «Журнал Министерства внутренних дел» и др. В очерках и статьях выступал за просвещение родного края, подъем экономики Сибири, накопление книжных богатств; уделял внимание краеведению, этнографии, описанию быта сибиряков, самых отдаленных окраин страны. Наибольшим успехом пользовались его книги «Поездка в Якутск» (1833), повести «Посельщик» (1834) и «Ангарские пороги» (1834).

^x Греч Николай Иванович (1787–1867) — русский издатель, редактор, журналист, публицист, беллетрист, филолог, переводчик.

^{xi} Булгарин Фаддей Венедиктович (1789–1859) — писатель, журналист, критик, издатель; «герой» многочисленных эпиграмм Пушкина, Вяземского, Баратынского, Лермонтова, Некрасова и многих других. Основоположник авантюрного, фантастического романа, фельетона и нравоописательного очерка в русской литературе, издатель первого в России театрального альманаха.

^{xii} Воейков Александр Федорович (1779–1839) — русский поэт, переводчик, литературный критик, издатель, журналист. Член Российской академии 1819 г.

^{xiii} Стогов Эразм Иванович (1797–1880) — воспитывался в Морском корпусе, который окончил в 1817 г. В 1819 г. был командирован в Охот-

ский порт, где служил на разных кораблях до 1830 г. Затем произведен в капитан-лейтенанты и назначен начальником Иркутского адмиралтейства. В октябре 1833 г. переведен на службу в корпус жандармов. Состоял жандармским штаб-офицером в Симбирске. С 1840 г. был правителем канцелярии генерал-губернатора Юго-Западной России Д.Г. Бибикова. Во время службы в Сибири проявлял интерес к истории, изучал архивные документы. С 1878 г. занимался литературной деятельностью. В «Русской старине» было опубликовано несколько очерков по истории Иркутска 1-ой половины XIX в. В 1886 г. после смерти были опубликованы его воспоминания «Записки Э.И. Стогова». По материнской линии приходился дедом русской поэтессе А.А. Ахматовой.

^{xiv} Лавинский Александр Степанович (1776–1844) — действительный тайный советник, генерал-губернатор Восточной Сибири (1822–1833), ранее был губернским почтмейстером в Вильно (ныне Вильнюс), затем виленским гражданским губернатором, таврическим гражданским губернатором, директор Департамента государственных имуществ. После восстания декабристов на Сенатской площади приглашен в Санкт-Петербург, назначен членом Особого комитета, разрабатывавшего правила и документы пребывания декабристов на каторге и ссылке. Сыграл заметную роль в устройстве управления Нерчинских сереброплавильных заводов. При его правлении «открыта» Енисейская губерния (1822).

^{xv} Бенардаки Дмитрий Егорович (1799–1870), крупный винный откупщик в Европейской России и Сибири, промышленник, владелец чугуноплавильных и железоделательных заводов, судовладелец (он был создателем знаменитого Сормовского завода). Начав строить пароходы на Волге, Бенардаки не остановился. Вслед за первым байкальским судостроителем купцом (а также откупщиком и енисейским золотопромышленником) Никитой Мясниковым он построил и спустил на байкальскую воду два парохода. Один из судов получил имя «Граф Муравьев-Амурский», а второй — «Дмитрий Бенардаки». В 1858 г. Д. Бенардаки вместе с купцом Василием Рукавишниковым получают разрешение на создание Амурской компании, которая ставила целью занятия китобойным промыслом и рыбной ловлей в Тихом океане, добычей полезных ископаемых, торговлей, намеревалась содержать пароходы на Амуре. Правда, компания не оправдала возлагавшихся на нее надежд и во второй половине 60-х годов прекратила свое существование. Бенардаки стал первым добывать в Амурской области золото, он стал организатором и владельцем Верхнеамурской компании, которая вскоре оказалась самой крупной золотодобывающей компанией в России и просуществовала полвека, вплоть до прихода сюда советской власти.

^{xvi} Сельский Илларион Сергеевич (1802–1861) — чиновник Главного управления Восточной Сибири, историк и литератор, правитель дел ВСОРГО. Образование получил в Московском университете, окончил в 1831 г. со степенью кандидата. Был определен на службу в Иркутск в

Главное управление Восточной Сибири, где и прослужил до конца жизни, став действительным статистическим советником, членом совета управления. В Иркутске был тесно связан с научными и литературными кругами. Занимался краеведением, был автором многих очерков и статей о Сибири. Действительный член Вольного экономического общества, общества сельскохозяйственного, Российского общества любителей садоводства и др. Принимал активное участие в работе Сибирского отдела РГО. С 1854 г. занимал должность правителя дел СОРГО, был редактором ученых записок, журнала «Вестник Восточной Сибири». Принимал деятельное участие в организации экспедиции для исследования Сибири.

^{xvii} Портнов Дмитрий Осипович, шурин В.Н. Баснина. Был в дружеских отношениях с А.Н. Муравьевым, который отмечал, что он нашел в Баснине и Портнове «истинных друзей» (Муравьев А.Н. Сочинения и письма. Иркутск, 1986. С. 309).

Публикация и комментарии А.Н. Гаращенко